

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПЕРВОЙ ПРОГРАММЫ РСДРП

Ф. ГАВЛИЧЕК

I. БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОГО МАРКСИЗМА С ОПОРТУНИЗМОМ В МЕЖДУНАРОДНОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

История СССР и других социалистических стран показывает, что рабочий класс может выполнить свою историческую задачу — свергнуть капитализм и построить коммунизм — только под руководством боевой революционной партии, вооруженной передовой революционной теорией, способной раскрыть объективные законы развития общества, предвидеть ход исторических событий, возглавить борьбу масс. Такой партией впервые в истории международного рабочего движения стала Коммунистическая партия Советского Союза — партия нового типа, коренным образом отличающаяся от существовавших в начале XX в. социал-демократических партий II Интернационала.

Марксистская партия в России создавалась на том поворотном этапе истории, когда капитализм вступил в высшую, и последнюю, фазу своего развития, в эпоху империализма, т. е. стал капитализмом паразитическим, загнивающим и умирающим. Появление революционной марксистской партии нового типа в это время именно в России — явление не случайное, а закономерное. В конце XIX и начале XX в. страна стала узловым пунктом всех противоречий империализма. В России, по словам Ленина, сохранялось самое отсталое землевладение, самая дикая деревня и уже успел развиться самый передовой промышленный и финансовый капитализм. Она была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и помещичьего, и национального, и военно-полицейского — в его наиболее грубой форме.

Основываясь на материалах Первой всеобщей переписи населения в 1897 г., В. И. Ленин дал такое распределение населения России по классовому положению¹:

крупная буржуазия, помещики, высшие чины —	ок. 3,0 млн.
зажиточные мелкие хозяева	— 23,1 »
беднейшие мелкие хозяева	— 35,8 »
пролетарии и полупролетарии	— 63,7 »

В число последних в начале XX в. входило приблизительно 3 млн. фабрично-заводских рабочих, а вместе с рабочими транспорта и строительства — свыше 6 млн. человек.

Но общественно-политическая роль пролетариата, как наиболее революционного и организованного класса, была неизмеримо выше его доли в общем составе населения страны. Высокий уровень концентрации

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 442.

промышленности привел к сосредоточению больших масс рабочих на крупных предприятиях в основных промышленных районах страны. Деятельность русской социал-демократии сплачивала рабочий класс в крупную организованную силу. Пролетариат России располагал могучим союзником в лице революционного крестьянства, готового поддержать рабочий класс не только в общедемократической борьбе против помещиков за землю и свободу, но и в борьбе против капитала.

Подъем рабочего движения, волнения крестьян и близость народной революции со всей остротой выдвинули задачу создания единой боевой пролетарской партии, способной руководить революционной борьбой рабочего класса и всех трудящихся. Надо было во что бы то ни стало преодолеть существовавшую в то время организационную разобщенность местных социал-демократических групп, а также идейный разброд в их рядах.

Решающая роль в объединении разрозненных социал-демократических групп, в преодолении идейных разногласий принадлежала первой общерусской марксистской политической газете «Искра», созданной основателем большевистской партии В. И. Лениным.

В первые годы XX в. решался вопрос, по какому пути пойдет пролетарское движение в России — встанет ли оно на путь революционной борьбы против царизма и капитализма, на указанный научным социализмом путь борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата или же скатится на позиции реформизма, т. е. на путь приспособления к царизму и штопанья капиталистических порядков. Вопрос этот имел не только «чисто русское» значение. Канун XX в. характеризовался острой идейной борьбой в рядах европейских социал-демократических партий, и в первую очередь — германской социал-демократии, которая до этого считалась как по своей теоретической подготовке, так и по своей организованности образцовой пролетарской партией. «Международная социал-демократия переживает в настоящее время шатание мысли, — писал В. И. Ленин в статье «Наша программа». — До сих пор учения Маркса и Энгельса считались прочным основанием революционной теории, — теперь раздаются отовсюду голоса о недостаточности этих учений и устарелости их. Кто объявляет себя социал-демократом и намерен выступить с социал-демократическим органом, должен с точностью определить свое отношение к вопросу, волнующему далеко не одних только германских социал-демократов»².

В. И. Ленин видел теснейшую связь российского и международного оппортунизма и рассматривал борьбу русских революционных марксистов с оппортунизмом внутри своей страны как составную часть борьбы революционного направления против оппортунистического в международном социал-демократическом движении.

Уже в книге «Что делать?» В. И. Ленин не только разгромил русский «экономизм» с его теорией стихийности и хвостизма, но нанес удар также по ревизионизму Бернштейна. «В самом деле, — писал Ленин в начале работы, — ни для кого не тайна, что в современной международной социал-демократии образовались два направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под пеплом внушительных «резолуций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран»³.

Ныне, когда ревизионисты пытаются снова подорвать идейные основы пролетарского движения, нелишне напомнить о писаниях Бернштейна.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 190.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 325—326.

Бернштейну принадлежит тезис с том, что социал-демократия должна из партии пролетарской революции превратиться в партию социальных реформ. Пресловутый лозунг Бернштейна гласил: «Конечная цель — ничто, движение — все». Это означало, что пролетарская партия должна от случая к случаю определять свое поведение и приспособляться к данному моменту. Это означало полное отрицание сознательности, преклонение перед стихийностью, забвение коренных интересов пролетариата ради выгод минуты. Бернштейн «доказывал», что переход к социализму произойдет мирным путем, путем «врастания» капитализма в социализм, а не путем революции. Он отрицал рост нищеты пролетариата, идею диктатуры пролетариата и теорию классово́й борьбы.

Об отношении Бернштейна к идее диктатуры пролетариата свидетельствуют, например, следующие выдержки из его книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»: «Есть ли, например, смысл держаться за фразу о диктатуре пролетариата в то время, когда в самых различных местах представители социал-демократии практически встают на почву парламентской работы, справедливого пропорционального народного представительства и народного законодательства и когда все это противоречит диктатуре?.. Классовая диктатура относится к более низкой культуре, и, не говоря о целесообразности и осуществимости этого дела, следует рассматривать скатыванием назад, политическим атавизмом ту мысль, что переход от капиталистического общества к социалистическому должен с необходимостью свершиться посредством форм развития того периода, который совсем не знал или знал лишь в несовершенном виде сегодняшние методы пропаганды и достижения законов и был лишен подходящих для этой цели органов»⁴.

В целом можно сказать, что Бернштейн отрицал основные принципы марксизма. К такому заключению приходили даже яростные враги марксизма, которым уже мерещилась его неизбежная «гибель». В 1899 г., являя в связи с выходом книги Бернштейна «Предпосылки социализма» о «кризисе марксизма», видный идеолог чешской и западноевропейской буржуазии Т. Г. Масарик писал: «Книга Бернштейна подтверждает мои взгляды на марксизм полностью. Более полного подтверждения я даже себе не мог желать. Бернштейн выступает против революции, он хочет, чтобы марксисты были партией социальных реформ... Бернштейн отходит от марксизма во всех главных идеях». Еще более любопытно, что Масарик одновременно устанавливал внутреннюю связь идей Каутского с ревизионизмом. Несмотря на то, что Каутский полемизирует с Бернштейном, отмечал он, «все-таки последовательный и твердый марксист мог бы его книгу об аграрном вопросе также поставить под сомнение»⁵.

Бернштейн был самым типичным представителем «нового», т. е. ревизионистского течения в международной социал-демократии. Но он был далеко не единственным его представителем. Еще ранее с ревизионистскими взглядами выступил в конце XIX в. Г. фон Фольмар, руководитель германской социал-демократии в Баварии. Отметив новое положение, сложившееся в начале 90-х годов прошлого века после падения Бисмарка и отмены закона против социалистов, он выступил с тезисом о постепенном политическом развитии, врастании капитализма в социализм и о «примирении классов», как результате вмешательства надклассового государства, хотя бы и монархического.

Несмотря на то, что эти ревизионистские взгляды Фольмара были подвергнуты критике уже на Эрфуртском съезде в 1891 г., их влияние росло, и Эдуард Бернштейн развил их в единую, цельную систему. Его

⁴ E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie, Berlin, 1923, S. 182.

⁵ «Naše doba» (Наше время), 20 июля 1899 г., стр. 675—676.

поддержали Давид и Герц, получившие известность как ревизионисты в аграрном вопросе.

Взгляды ревизионистов сразу же вызвали ряд ответных критических выступлений. В Германии прогив Бернштейна выступал, хотя и не последовательно, а примиренчески — К. Каутский. Более принципиальный характер носили критические выступления Розы Люксембург, которая вместе с Кларой Цеткин резко выступила против ревизионизма на съезде германской социал-демократии в Штуттгарте в 1898 г. На съезде этой партии в Ганновере в следующем году с докладом о ревизионистских нападках на основные взгляды и тактику партии выступил А. Бебель, резко критикуя ревизионизм Бернштейна. Дрезденский съезд, состоявшийся в 1903 г., в специальной резолюции также осудил ревизионизм. Однако принципиальная ошибка германской социал-демократии заключалась в том, что она не сделала необходимых практических выводов из критики ревизионизма, не приняла никаких организационных мер против его носителей. Хотя ревизионистов постоянно критиковали, они все-таки оставались членами социал-демократии, не отказываясь от своих взглядов, а, наоборот, широко пропагандировали их.

Ту же самую ошибку допускал и II Интернационал, который, например, на Амстердамском конгрессе осудил ревизионистские взгляды, но в то же время исключительно снисходительно относился к представителям ревизионизма, оставляя им простор для развертывания подрывной деятельности.

Все эти ревизионистские тенденции наблюдались в области теории. Что касается их практического приложения, то его продемонстрировал Мильеран. «Мильеран, — говорил В. И. Ленин, — дал прекрасный образец этого практического бернштейнианства... В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? ...А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за разращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!»⁶.

Острые слова Ленина были направлены не только против факта выступления Мильерана в буржуазное правительство. Они направлены были главным образом против решений V международного социалистического конгресса, состоявшегося в Париже в 1900 г. Конгресс отверг резолюцию, предложенную Гедом, в которой резко осуждался мильеранизм, и принял примиренческую, оппортунистическую резолюцию, предложенную Каутским. Она гласила, что участие социалистов в буржуазных правительствах — это «вопрос тактики, а не принципа», что в современном демократическом обществе завоевание политической власти пролетариатом возможно лишь как результат долгой и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, результат его физического и нравственного возрождения и постепенного завоевания выборных мест в муниципальных советах и законодательных органах⁷.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 327.

⁷ См. «Internationaler Sozialisten-Kongress zu Paris 1900». Berlin, 1900, стр. 17, 19.

Ленин самым внимательным образом следил за развитием оппортунистических тенденций в партиях II Интернационала. И как только появился пресловутый лозунг «свободы критики», он сразу же вскрыл его антипролетарское нутро, показал, что требование «свободы критики» есть требование свободы оппортунистического направления в социал-демократии, требование свободы расширения и внедрения в социализм мелкобуржуазных и буржуазных идей и элементов. Эта свобода, по словам Ленина, означала свободу от всякой целостной и продуманной теории, подавление сознательности стихийностью, ликвидацию пролетарской теории, разоружение рабочего класса. Вот чего хотели трубадуры свободы критики «догматического» марксизма. Того же добиваются в сущности и ее современные эпигоны.

Выделяя два направления в международной социал-демократии, Ленин указывал, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В «настоящее время,— писал Ленин,— (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министерялисты, немецкие бернштейнианцы, русские критики,— все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма»⁸.

Одновременное появление империализма и «интернационального» оппортунизма в начале XX в. не было случайным совпадением двух явлений. Здесь имела место закономерная связь. Развитие и рост империализма неизбежно порождает и определяет развитие и рост международного оппортунизма и, наоборот, империалистическая буржуазия в эпоху пролетарских революций не может удержать свои позиции без поддержки международного оппортунизма.

Последовательная и непримиримая борьба искровцев во главе с В. И. Лениным против оппортунистов в начале XX в., приведшая к образованию на II съезде РСДРП большевистской партии, была одной из схваток революционной русской социал-демократии с оппортунизмом не только российским, но и международным, схваток, в которых партия пролетариата окрепла, закалилась, смогла привести социалистическую революцию в России к победе над врагом.

II. БОРЬБА ЛЕНИНА ЗА РЕВОЛЮЦИОННУЮ, МАРКСИСТСКУЮ ПРОГРАММУ ПАРТИИ

В борьбе с оппортунизмом всякого рода В. И. Ленин уделял особое внимание разработке научной, марксистской программы. Это и понятно, программа — основной документ, который определяет направление и характер всей деятельности партии. В программе четко формулируются цель и задачи борьбы рабочего класса, а также ближайшие требования, за которые партия борется на пути к конечной цели. Именно программа цементирует революционную партию — добровольный союз единомышленников-коммунистов — дает ей идейную основу. Уже в «Заявлении редакции «Искры»» в 1900 г. Ленин писал: «Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключющее ту разноголосицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой»⁹.

Совсем иначе смотрели на программу российские «экономисты» и западноевропейские оппортунисты. Это естественно: тот, кто считает конечную цель пролетариата ничем, кто преклоняется перед стихийностью движения, для того та или иная программа партии не имеет принци-

⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 325 (прим.).

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 329.

ального значения. В качестве примера такого оппортунистического отношения к программе можно привести факты из истории австрийской социал-демократической и французской социалистической партий.

Состоявшийся в Вене в 1901 г. Совместный съезд социал-демократической партии Австрии должен был принять новую программу. Докладчик комиссии по вопросу «О пересмотре программы» Адлер заявил: «Комиссия должна была руководствоваться принципом, что все то, что войдет в проект, должно быть убеждением всех... В нем же не должно быть ничего, что противоречило бы разумному убеждению какого-либо товарища»¹⁰. К проекту программы были сделаны критические замечания слева и справа. Комиссия «обработала» эти замечания, устранив все острые грани. В заключительном слове по поводу программы Адлер мог торжественно провозгласить: «Я считаю, что мы здесь имеем программу, которая полностью отвечает общему мнению партии, против которой ни один товарищ по своему убеждению не должен выступать. Конечно, я допускаю и я убежден в том, что для меня в ней чего-то не хватает, в ней не хватает многих вещей также для других»¹¹.

Да, в этой программе действительно не было очень многого, и прежде всего самого главного: признания диктатуры пролетариата. Вот какой ценой было достигнуто признание всех и вся!

Подобную картину можно было наблюдать и на конгрессе французской социалистической партии, состоявшемся в 1902 г. в Туре. Этот съезд отверг представленный проект программы как «очень радикальный». Тогда Жорес тут же на месте в течение 24 часов выработал взамен старого проекта расплывчатую программу, которая была угодна всем и каждому. Программа Жореса была принята единогласно без каких-либо споров. Ленинская «Искра», сообщая об этом факте, писала, что обыкновенно партии долго готовят, обсуждают и исправляют программу, взвешивая каждый ее пункт прежде чем его принять; тут же проект, составленный в 24 часа, был немедленно одобрен конгрессом¹².

Принципиально иным было отношение Ленина к разработке программы. Выступая против стремления поскорее закончить работу и созвать съезд, Ленин подчеркивал: «Совершенно неправы поэтому те, кто *больше всего* руководится желанием «скорее кончить»: можно ручаться, что *теперь*, при такой конstellации, от торопливости кроме худа ничего не будет, и наш редакционный проект будет неудовлетворителен... И, ей-ей, лучше бы было, если бы высокая комиссия еще хорошенько поработала, пообдумала, переварила...»¹³.

К двум проектам Плеханова и к проекту комиссии Ленин сделал более чем 100 замечаний. Приблизительно 90 замечаний Ленина принципиального характера было принято. Поэтому, хотя первоначальный проект был выработан Плехановым, можно с полным правом сказать, что революционный характер программы, утвержденной II съездом партии, определялся ленинскими идеями, его борьбой с теми оппортунистическими тенденциями, которые получали все большее распространение в партиях II Интернационала и оказывали уже в то время некоторое влияние и на Плеханова. Принципиальные поправки Ленина сделали программу РСДРП марксистски последовательным, революционным документом.

Главным недостатком проектов Плеханова В. И. Ленин считал самый тип программы. Ленин указывал, что Плеханов предложил не программу борющейся партии, а конспект учебника, программу для учащихся, и

¹⁰ «Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Oesterreich», Wien, 1901, S. 189.

¹¹ Там же, стр. 197.

¹² См. «Искра», № 19, стр. 6.

¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 55.

притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, без учета специфики страны. В силу абстрактности проекты Плеханова смазывали особенности русского капитализма, обходили противоречия русской действительности, поэтому они не отвечали одной из главных задач программы: дать партии оружие для борьбы против русского капитализма.

Какие требования предъявлял Ленин к программе? «Партия русского пролетариата,— писал он,— должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму»¹⁴. Только в этом случае русские рабочие могли полностью и глубоко понять правильность программы русской социал-демократии. Кроме того, если программа должна была служить обвинением русского капитализма и основой для пропаганды и агитации социал-демократии, то она должна быть написана языком ясным, простым и твердым, как правда жизни. А между тем представленный Плехановым проект программы отличался весьма витиеватым стилем, неопределенностью своих формулировок.

Водоразделом между революционным и оппортунистическим направлениями в международном рабочем движении был в то время вопрос об оценке всеобщей тенденции капитализма. Ревизионисты не могли отрицать наличия противоречий империализма, но они утверждали, что эти противоречия сглаживаются. Отсюда делалось заключение, что Маркс «устарел», что его выводы якобы не отвечают действительности. На этом строилась вся идеология бернштейнианства, идеология мирного перерастания капитализма в социализм, отрицания диктатуры пролетариата, обнищания трудящихся масс при капитализме и пр. Отсюда вытекало стремление оппортунистов говорить о противоречиях капитализма глухо, осторожно.

В. И. Ленин категорически потребовал, чтобы в программе были особенно подчеркнуты те положения революционного марксизма, на которые ревизионисты прежде всего нападали, и чтобы они были сформулированы прямо, резко, определенно.

Еще в статье «Проект программы нашей партии», написанной в 1899 г., В. И. Ленин выразил желание, чтобы в программу был внесен вывод Маркса о росте нищеты, гнета, порабощения и эксплуатации, вывод, отражающий основную тенденцию развития капитализма. Этим бы, писал Ленин, мы отгородили себя от всех половинчатых людей, от «критиков», ревизионистов.

Принципиальную формулировку этого важнейшего программного положения Ленин дал в своем проекте: «Гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобщаемого труда,— писал он,— сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. Наряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата»¹⁵.

При этом Ленин обращал внимание на приемы ревизионистов, которые пытались на основе отдельных частных отклонений от общей тенденции развития капитализма поставить под сомнение присущие ему закономерности. Положительно оценивая критику ряда теоретических положений Бернштейна Каутским, Ленин следующим образом сформулировал суть проблемы: «Бернштейн объявляет всеми оставленной «теорию нищеты» или «теорию обнищания» Маркса. Каутский показывает, что это опять извращенная утрировка противников Маркса, который подобной теории не выставлял. Маркс говорил о росте нищеты, унижения и проч..

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 41.

¹⁵ Там же, стр. 12.

указывая наряду с этим и противодействующую тенденцию и те реальные общественные силы, которые одни только и могут порождать эту тенденцию. Слова Маркса о росте нищеты вполне оправдываются действительностью: во-первых, мы действительно видим, что капитализм имеет тенденцию порождать и усиливать нищету, которая достигает громадных размеров при отсутствии вышеуказанной противодействующей тенденции. Во-вторых, растет нищета не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс... Наконец, в-третьих, слова о росте нищеты сохраняют всю свою верность по отношению к «пограничным областям» капитализма, понимая слово пограничный и в географическом смысле (страны, в которые только начинает проникать капитализм, порождая нередко не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения) и в политико-экономическом смысле (кустарная промышленность и вообще отрасли народного хозяйства, в которых держатся еще отсталые способы производства)»¹⁶.

Рассмотрим, хотя бы кратко, в свете этих ленинских идей ход полемики на съезде австрийской социал-демократии в Вене 1901 г. Докладчик по программе Адлер говорил: «Мы спорили особенно о двух пунктах. Первым из них был пункт о т. н. теории обнищания. Мы пришли к выводу: положение «о растущей нищете широких масс» и «о растущем обнищании»... не должно больше вноситься в программу. Исходным для такого вывода было то обстоятельство, что таким образом было бы внесено к программе положение, правильность и целесообразность которого ряд товарищей отрицает. Но теперь опять значительное число товарищей чувствовало, что в проекте говорится о противоречии в жизненном уровне отдельных классов при капиталистическом развитии, но что корни и причины роста этого противоречия с достаточной остротой не отражены»¹⁷.

Эта речь ясно отражает противоречия в партии, показывает, что ее руководство в угоду узкому слою рабочей аристократии пожертвовало революционными идеями марксизма. Отсюда был всего лишь один шаг к прямому сотрудничеству социал-демократии с буржуазией.

Итак, мы видим, что многие положения программы партий II Интернационала широко открывали дверь для распространения оппортунизма в рядах этих партий, давали возможность превратить ранее пролетарские партии в партии мелкобуржуазные, защищающие буржуазию против революционных пролетариев.

В отличие от программ партий II Интернационала, в «Проекте программы российской социал-демократической партии», опубликованном для обсуждения перед II съездом РСДРП, четко и ясно говорилось: «... по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами»¹⁸.

Разоблачая оппортунистов, которые все больше и больше отказывались от социалистической революции, искровский проект подчеркивал, что развитие капитализма «все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т. е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 182—183.

¹⁷ «Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Oesterreich», S. 189—190.

¹⁸ «Искра», № 21, стр. 1.

демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата»¹⁹.

Хотелось бы особо остановиться на том положении программы, которое называет рабочую партию «сознательной выразительницей классового движения пролетариата».

Уже в критических замечаниях на первый проект программы Плеханова Ленин указал на неправильную формулировку вопроса о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении. Ленин критиковал проект Плеханова за то, что в нем распространение социалистического сознания (γ) в рабочем классе поставлено наряду с ростом возмущения (α) рабочего класса и обострением борьбы (β) против капиталистов. «Но α и β — стихийно, а γ — должны вносить *мы*»²⁰.

К выражению Плеханова «организовать их (т. е. рабочих.— Г. Ф.) силы для непрерывной борьбы с их эксплуататорами» В. И. Ленин заметил: «Слишком узко. Надо бы: α указать конечную цель, β создать организацию революционеров для *руководства* борьбой пролетариата»²¹. В результате критики Лениным эти формулировки были устранены в программе РСДРП, рабочему классу была четко указана его цель, сформулировано положение о партии как организаторе и руководителе его классовой борьбы.

Совсем другая обстановка сложилась в социал-демократических партиях капиталистических стран Средней и Западной Европы, руководство которых вносило путаницу в сознание рабочих. В пражской газете «Социал-демократ» в 1895 г. была, например, напечатана статья «Политический алфавит социал-демократов». В ней говорилось буквально следующее: «Социал-демократия руководствуется тем убеждением, что революции нельзя организовать, так как они — подобно всему другому — вызываются потребностью и временем и поэтому их не могут обойти ни партии, желающие изменения, ни партии, защищающие старое!»²². Это было в 90-х годах прошлого века. А вот что писалось в теоретическом журнале СКЮ «Коммунист» в 1956 г.: «Трансформацию общества от капитализма к социализму осуществляют сегодня люди, нации, человеческое общество, несмотря на то, осознают они или не осознают это, знают они или не знают, что такое социализм, в восторге от него или даже тогда, когда они не желают себе социализма»²³! Не слышна ли старина в подобных «открытиях»?

Но практика международного движения давно уж доказала одно: хотя бернштейнианские теории существуют десятки лет, еще нигде не совершалось такого чуда, чтобы капитализм в подтверждение этих «теорий» сам по себе «перерос» в социализм.

Выделим следующий важнейший момент: программа партии, разработанная редакцией ленинской «Искры» и утвержденная II съездом РСДРП, содержала четкое требование диктатуры пролетариата. Ясная формула диктатуры пролетариата была принята (под непосредственным влиянием Ленина) в противовес туманной формулировке Эрфуртской программы об обладании пролетариатом политической властью. В программе РСДРП сказано: «Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»²⁴.

¹⁹ «Искра», № 21, стр. 1.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 6.

²¹ Там же, стр. 9.

²² «Sociální demokrat» (Социал-демократ), Прага, 7 июня 1895 г.

²³ Милько Тодорович. Относительно декларации об отношениях между СКЮ и КПСС. «Коммунист», 1956, Белград, стр. 444.

²⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7. Госполитиздат, 1954, ч. I, стр. 39.

Ленин позднее не раз с гордостью говорил о том, что в старую программу РСДРП было включено требование диктатуры пролетариата, и подчеркивал, что это было сделано в прямой борьбе с международным оппортунизмом. Так, например, в 1920 г. в заметке «К истории вопроса о диктатуре» Ленин писал: «Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма»²⁵.

С первого взгляда может показаться, что вопрос о диктатуре пролетариата не был предметом острых споров между Лениным и Плехановым во время работы над программой, ибо в первом проекте программы Плеханова был сформулирован этот тезис. Но во втором проекте Плеханова эта важнейшая формула «выпала» — авторы проекта заменили ее выражением «власть пролетариата». Плеханов считал, что власть пролетариата и диктатура пролетариата — одно и то же.

Маркс и Энгельс действительно под властью пролетариата понимали не что иное, как диктатуру пролетариата. Но после принятия Эрфуртской программы и после распространения бернштейнианства оппортунисты стали вкладывать в формулу «власть пролетариата» совсем иное содержание. О той страшной путанице, которая имела место в западноевропейских партиях по данному вопросу, можно судить хотя бы по официальным документам австрийской социал-демократии.

Некоторые социал-демократы в Австрии полагали, что рабочее движение преследуется потому, что австро-венгерское государство плохо выполняет свои обязанности в отношении общества, а не потому, что оно буржуазное. Это открыто утверждала, например, газета «Социал-демократ». Она писала: «Задача государства — обеспечивать своим гражданам выполнение их духовных, нравственных и физических условий жизни... Но что мы видим в современных культурных государствах? Мы видим совсем наглядно, что современное государство — монархическое ли, республиканское ли — обеспечивает своим гражданам духовные, нравственные и телесные условия жизни в совершенно незначительной мере»²⁶.

Целью социал-демократической политики было не уничтожение австрийского капитализма, а мирная перестройка австрийского государства. Руководство австрийской социал-демократии хотело использовать силы рабочего класса для преодоления хронического политического кризиса и тем самым для сохранения и укрепления австрийского государства. Не случайно рабочие называли лидеров социал-демократии «царско-королевскими» социал-демократами.

Революционные рабочие — социал-демократы, которые знали некоторые сочинения Маркса и Энгельса, требовали, чтобы в программу был внесен пункт о диктатуре пролетариата или требование о завоевании власти. На это требование ответил докладчик по проекту новой программы Адлер: «Теперь о диктатуре пролетариата, о которой в проекте ничего не сказано. Еще более резко меня будут ругать за то, что в проекте нет ни слова о завоевании политической власти». «Как это могло случиться», ставит вопрос Адлер. И сразу демагогически отвечает: «Потому, что и без того ясно, что политическая партия хочет завоевать политическую власть; это не надо вносить в программу!»²⁷.

Несмотря на всяческие увертки Адлера, значительная часть делегатов категорически настаивала внести в программу требование о завоевании политической власти. Поэтому после дискуссии докладчик вынужден был в заключительном слове сказать: «Первоначально проект исходил из

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 314.

²⁶ «Sozialni demokrat» (Социал-демократ), 13 августа 1897 г.

²⁷ «Protokoll über die Verhandlungen des Gesamtparteitages der Sozialdemokratischen Arbeiterpartei in Oesterreich», S. 107—108.

того, что партии, которая своей целью считает преобразование всего общества, говорить: мы хотим политическую власть,— дело лишнее... Но так как значительное число товарищей считает необходимым точно в программе высказать эту мысль, мы пошли навстречу этому желанию»²⁸. Но тем не менее эта мысль была сформулирована в программе очень неопределенно и расплывчато. Новая программа начиналась словами: «Социал-демократическая рабочая партия Австрии домогается для всего народа без различия национальности, расы и пола освобождения от пут экономической зависимости, устранения политического гнета и духовной отсталости».

В конце концов в 1901 г. на съезде Австрийской социал-демократической партии в Вене была отменена старая, так называемая Гайнфельдская, более революционная программа и утверждена новая, ревизионистская программа, разработанная Адлером. Вот как характеризовал в своей реляции итоги этого съезда полицейский агент: «Венский съезд окончательно похоронил революционный радикализм старой программы, и австрийская социал-демократия уже идет к тому — хотя ее вожди стремятся это отрицать,— чтобы смириться с капиталистическим общественным строем и выступать против него только в качестве социал-реформистской партии. Доктор Адлер, конечно с большим упорством, отрицал, что новый проект является уступкой Бернштейну (ревизионизму), а марксисты Бебель и Каутский также выступили на съезде с заявлением в этом смысле. Но в действительности все трое уже были сознательно или несознательно под влиянием бернштейнианства и не могли его избегнуть. Доктор Адлер сумел в своем докладе перевести принципы бернштейнианства на такой марксистский язык, что ему легко удалось успокоить зародившееся недоверие делегатов»²⁹.

Именно попытки международного оппортунизма выхолостить суть революционного учения Маркса заставили русскую социал-демократию во главе с Лениным дать в программе предельно точную формулу, исключающую всякого оппортунистического извращения: диктатура пролетариата как условие социальной революции.

Столкновение Ленина с Плехановым и ленинизма с международным оппортунизмом вообще в принципиальных вопросах программы не было случайным. Оно было прологом великих исторических сражений российского пролетариата, борющегося за власть. Оно было зародышем борьбы между большевизмом и меньшевизмом в русском рабочем движении, зародышем последующих боев III Интернационала против II Интернационала. Победа ленинских идей социалистической революции и диктатуры пролетариата над проявлениями оппортунизма при разработке проекта программы РСДРП была предзнаменованием полной победы российского пролетариата, была подготовкой великой борьбы рабочего класса России за торжество социалистической революции.

III. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ТЕОРИИ МАРКСА НА ОПЫТЕ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

В борьбе за революционную марксистскую программу Ленин опирался на программные работы Маркса и Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Критика Готской программы», «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», взяв вместе с тем все положительное из опыта борьбы западноевропейского пролета-

²⁸ Там же, стр. 190—191.

²⁹ Документ опубликован в книге: L. Brügel. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, v. IV, Wien, 1923, S. 347.

риата, который отразила Эрфуртская программа. Но одновременно Ленин обращал постоянное внимание на необходимость дальнейшего творческого развития марксистской теории в соответствии с конкретно-историческими условиями российского рабочего движения.

«Мы нисколько не боимся сказать,— писал он,— что мы хотим подражать Эрфуртской программе: в подражании тому, что хорошо, нет ничего дурного, и именно теперь, когда так часто слышишь оппортунистическую и половинчатую критику этой программы, мы считаем своим долгом открыто высказаться за нее. Но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы»³⁰.

Из этих особенностей программы русской социал-демократии мы остановимся на двух: постановке Лениным крестьянского и национального вопроса.

Для того чтобы победить в социалистической революции, пролетариат нуждался в союзниках — поддержке революционного крестьянства и национально-освободительного движения народов России. Это и понятно. Без правильного отношения к крестьянству, без правильного решения аграрного вопроса — победа социалистической революции в странах, где существует мелкое производство, невозможна. Центральным пунктом теории революционного марксизма в аграрном вопросе, писал Ленин в 1902 г. в статье «Аграрная программа русской социал-демократии», является выдвижение требований в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне. Именно в этом наглядно выявляется основное различие между революционными марксистами и оппортунистами, т. е. теми «критиками» марксизма, которые утверждали, что учение о классовой борьбе неприменимо в области аграрных отношений.

«Специалисты» по аграрному вопросу, Давид и Герц, применяя теорию Бернштейна о затухании классовой борьбы в области аграрных отношений, разработали теорию об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Давид также предложил немецкой социал-демократии поддерживать мелких производителей и пообещать крестьянству укрепление мелкой собственности при капитализме. Такую позицию — поддержку мероприятий, которые способны задержать общественное развитие, оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, Ленин считал политической ошибкой.

Критикуя ревизионистов в аграрном вопросе, Ленин в своей работе «Аграрный вопрос и критики Маркса» показал, что мелкое крестьянское хозяйство при капитализме не может быть устойчивым, что процесс обнищания мелких производителей и рост крупных хозяйств является неизбежным для всего капиталистического хозяйства (не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве), что некоторая способность к конкуренции мелкого крестьянского хозяйства при капитализме базируется на интенсификации труда крестьянина и членов его семьи и на чрезмерном ухудшении его положения. Поэтому попытки поддержать мелкое сельское хозяйство являются нереальными, реакционными, они противоречат экономическим законам развития капитализма в сельском хозяйстве.

Характерным для оппортунизма германской социал-демократии в аграрном вопросе является тот факт, что Бреславльский съезд (1895 г.) решил изучать специфические законы развития капитализма в сельском хозяйстве, отличные от законов развития в промышленности, хотя из-

³⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 215.

вестно, что уже Маркс в «Капитале» открыл и сформулировал законы развития капитализма в сельском хозяйстве, заложив теоретические основы аграрной программы социал-демократии. Бреславльский съезд сделал явную уступку ревизионистам.

Характеризуя ревизионизм в аграрном вопросе, В. И. Ленин писал, что многочисленные критики марксизма «стараятся напирать именно на крестьянский вопрос, по которому будто бы «ортодоксальный марксизм» всего более посрамлен «новейшими трудами» Бернштейнов, Булгаковых, Давидов, Герцев и даже... Черновых!»³¹.

Особенно ясно оппортунизм в решении аграрного вопроса наметился в социал-демократических партиях в Германии и Австрии. Что утверждали теоретики этих партий?

Во-первых, решение аграрного вопроса важно-де для рабочего класса только потому, что рабочие являются потребителями сельскохозяйственных продуктов, и они, стало быть, заинтересованы в дешевой цене этих продуктов. В статье «Социал-демократы и аграрники» пражский «Социал-демократ» писал о Бреславльском съезде следующее: «Мы считаем, что съезд отклонением аграрной программы вступил на точку зрения справедливости... Разве было бы справедливо с точки зрения рабочих повышать цены на хлеб и другие жизненно важные товары только для того, чтобы облегчить положение крестьянства?»³².

Дальше говорилось, что разорение крестьянства изгоняет массы бывших крестьян в города, тем самым увеличивая армию безработных, а это, мол, влияет на уровень заработной платы рабочих. Кстати, на Бреславльском съезде некоторые требовали, чтобы разоренные крестьяне оставались в деревне!

Совершенно очевидно, что подобные доводы насквозь реакционны; они противопоставляют пролетариат крестьянству как его антипод — в экономике и в политике. Утверждение, что интересы крестьянства как производителя сельскохозяйственных продуктов противоречат интересам рабочего класса как потребителя — служили главным аргументом против союза рабочего класса и крестьянства.

Оппортунизм социал-демократических партий II Интернационала вытекал из того, что эти партии не думали о социалистической революции и потому не искали союзника для рабочего класса в деревне. Объективно их политика была направлена к тому, чтобы разъединить, ослабить пролетариат и крестьянство. Идя на сотрудничество с буржуазией, они закрывали глаза на факты дифференциации «народа» на эксплуататоров и эксплуатируемых, не хотели видеть, что и в деревне происходит тот же процесс классового расслоения населения на горстку деревенских богачей — сельскую буржуазию и массу бедных крестьян и сельских пролетариев. Поэтому они не могли и не хотели видеть союзника пролетариата в лице мелких производителей, все больше разоряемых капитализмом. И, наконец, социал-демократические партии II Интернационала, будучи в основе своей партиями рабочей аристократии, защищали ее интересы против масс безработных и сельской бедноты.

Напротив, В. И. Ленин, ясно видя перспективу революции, неустанно заботился о союзниках пролетариата. В аграрном вопросе он не только защищал марксистское учение, но и значительно его обогатил. Ленин писал: «Мы, русские социал-демократы, постараясь воспользоваться слыхом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением «деревенщины» к социалистическому рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам..., в аграрной области, может быть, выработаем и нечто новое. И для того, чтобы облегчить

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 92.

³² «Sociální demokrat» (Социал-демократ), 22 ноября 1895 г.

впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму, крайне важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (не-пролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя»³³.

Великий диалектик Ленин, подобно Марксу и Энгельсу, работая над крестьянским вопросом, всегда подчеркивал двойственную природу мелких производителей как тружеников и как собственников, имеющих и «рассудок» и «предрассудок». Ленин всегда боролся против всяких попыток зачеркнуть, затушевать, забыть какую-либо из двух сторон мелкого собственника. Поэтому он мог и по аграрному вопросу разработать научную программу партии рабочего класса, единственного последовательно революционного класса, привлечь на его сторону мощного союзника, что, несомненно, было залогом победы пролетариата в эпоху назревающих революций.

В эту эпоху, особенно в царской России, тюрьме народов, громадное значение приобретало также правильное, последовательное марксистское решение национального вопроса.

Исходя из основополагающих идей Маркса и Энгельса, Ленин рассматривал национальный вопрос как часть вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Уже эта позиция должна была привести к столкновению с идеологами партий II Интернационала, ибо последние рассматривали национальный вопрос как особый, самостоятельный вопрос, не связывая его с борьбой против господства капитала, за свержение империализма и проведение социалистической революции.

В период подготовки II съезда РСДРП и после него Ленину пришлось бороться на два фронта — против буржуазного национализма Польской социалистической партии (ППС) и Бунда и против национального нигилизма социал-демократии Польши и Латвии.

В. И. Ленин трактовал марксистское понимание национального вопроса не абстрактно, а всегда в соответствии с конкретными условиями борьбы угнетенных наций, с позиций общепролетарской классовой борьбы. Ленинская «Искра», защищая требование программы о признании права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, сразу подчеркнула: это признание вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения; социал-демократия считает своей задачей помогать самоопределению не национальностей и наций, а пролетариата каждой нации.

В статье «Национальный вопрос в нашей программе» Ленин следующим образом обобщил позицию русской революционной демократии по данному вопросу: «Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности»³⁴.

Такое толкование программы по национальному вопросу вызвало протест со стороны лидеров ППС, которые требовали безусловного признания национальной независимости, скатываясь, таким образом, на позиции буржуазного национализма, ставя все свои политические тре-

³³ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 116—117.

³⁴ Там же, стр. 412.

бования абстрактно, с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения интересов «вечного» нравственного принципа, за которыми на деле скрывались интересы национальной буржуазии. Лидеры ППС полагали, что национальный вопрос исчерпывается противоположением: «Мы поляки», а «они русские и немцы», они считали угнетателем польского народа не только царизм и прусский милитаризм, но и одновременно русский и немецкий пролетариат.

В.И. Ленин, разоблачая буржуазный национализм ППС, объяснял, что эта партия направляет польских рабочих к созданию блока с собственной буржуазией и к разрыву с революционным русским пролетариатом, единственным последовательным борцом против царизма — угнетателя польских рабочих и крестьян. Против буржуазного национализма ППС В. И. Ленин выдвинул лозунг революционного пролетарского интернационализма.

Он показал, что националистическая точка зрения ППС проявилась потому, что теоретическая и практическая деятельность этой партии очень слабо была связана с классовой борьбой пролетариата. Но именно интересам этой борьбы должно быть подчинено требование самоопределения наций. Ленин писал, что «забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в ППС действительно рабочей социал-демократической партии»³⁵.

Что же касается австрийской социал-демократии, то она выдвинула несколько иную форму того же самого буржуазного национализма — требование культурной национальной автономии. Ленин, резко критиковавший эту позицию австрийской социал-демократии, оказал огромную услугу рабочему классу при формировании его социалистического сознания.

Недооценка национального вопроса — традиционная черта оппортунизма в австрийской социал-демократии — ясно показывала, что лидеры этой партии являются представителями рабочей аристократии, живущей за счет трудящихся угнетенных наций Чехии, Венгрии, Словакии, Галиции и т. д. Однако в конце XIX в., когда уже нельзя было закрывать глаза на национальный вопрос, руководство социал-демократической партии перешло в другую крайность — от национального нигилизма к национальному федерализму. На съезде социал-демократической партии в Праге (1896 г.) докладчик по организационным вопросам А. Немец заявил: «Наша чешская экономическая и национальная обстановка привела к тому, что мы создали самостоятельную социал-демократическую организацию... Мы должны и в дальнейшем отделять чешское социалистическое движение от немецких организаций потому, что немецкий рабочий класс живет в совсем других условиях, чем их чешские, национально угнетенные и более преследуемые товарищи... Чехи стоят за другую тактику экономической борьбы, которая приобретает верх над борьбой политической»³⁶.

Совершенно верно, что, например, чешский рабочий подвергался двойному угнетению — социальному и национальному, но отсюда прежде всего вытекала необходимость единства борьбы немецких и чешских рабочих против общего врага — австрийского империализма, а не разъединение чешских и немецких рабочих. Национальный федерализм привел к тому, что пролетарские революционные интересы подчинялись «национальным» интересам вообще, т. е. интересам буржуазии. Съезд в Вене (1897 г.) принял заявление о федерализме партии, а съезд в Брно (1899 г.) утвердил культурную автономию как программное требование партии.

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 418.

³⁶ Газета «Rovnost» (Равенство), 6 мая 1896 г.

Этим самым развитие оппортунизма австрийской социал-демократии завершалось. Отсюда был уже только один шаг до полного предательства по отношению к пролетариату и к поддержке буржуазной австрийской монархии в первой мировой войне.

Только большевистская партия, воспитанная Лениным в духе пролетарского интернационализма, пошла по другому, единственно правильному пути, по пути борьбы за социалистическую революцию и тем самым за освобождение угнетенных наций.

Характерно, что никто из лидеров социал-демократии не сделал ни малейшей попытки ознакомить пролетариат Австрии с произведениями Ленина. Но ознакомить его с деятельностью, например, бундовцев считалось крайне необходимым. Вот что писал Ленин по этому вопросу: «Чешские сепаратисты долго и безуспешно искали единомышленников. Только теперь они нашли их — в лице *бундовцев и ликвидаторов*»³⁷. Недаром народ говорит: «Рыбак рыбака видит издалека».

Ленинское признание права наций на самоопределение было одновременно направлено против национального нигилизма Р. Люксембург, которая отрицала идею самоопределения, считая, что до пролетарской революции, дескать, она практически неосуществима, а после победы пролетарской революции — бессмысленна. В. И. Ленин, показывая политическую несостоятельность и вредность такой точки зрения, не раз разъяснял, что борьба пролетариата господствующей нации за право наций на самоопределение является важнейшим условием успеха национально-освободительного движения и одновременно средством привлечения масс угнетенных наций в качестве резерва пролетарской революции.

Партии II Интернационала, отрывая национальный вопрос от вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, игнорировали национально-освободительное движение эксплуатируемых масс колониальных народов. Лидеры II Интернационала считали реакционной утопией требовать от социал-демократии, чтобы она помогала народам колониальных стран в их борьбе против колонизаторов. И это не случайно, ибо оппортунисты II Интернационала, будучи представителями рабочей аристократии, видели в эксплуатации народов колониальных стран средство к сглаживанию классовых антагонизмов в метрополии, повышению материального обеспечения верхушки рабочего класса господствующих наций. Тем самым они подло предали принцип пролетарского интернационализма и перешли на позицию империализма.

Один из идеологов оппортунизма в германской социал-демократии Г. Кунов в 1897 г. прямо заявил, что препятствия в экспансии «нашей» тяжелой промышленности направлены против интересов рабочих. Многие рабочие, говорил он, таким образом лишатся работы в своей отрасли индустрии и потеряют возможность достигнуть лучших условий жизни. Поэтому, дескать, Германии надо сохранить рынки сбыта в Восточной Азии, в Китае.

В. И. Ленин, разоблачая в статье «Китайская война» грабительскую сущность колониальной политики, напротив, подчеркивал, что, хотя эта политика и дает временно труд определенному количеству рабочих, она выгодна «кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах»³⁸.

Он подчеркивал необходимость неразрывной связи национального и колониального вопроса, ибо колониальная политика не может не вы-

³⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 68.

³⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 349.

звать национально-освободительную борьбу народов колониальных стран. Поддержка колониальной политики империалистов — это предательство по отношению к рабочему классу.

* * *

В борьбе за программу революционной партии рабочего класса Ленин защитил чистоту марксистской теории, разгромил буржуазные идеи «критиков» марксизма. Одновременно с этим он со всей силой подчеркнул необходимость дальнейшего творческого развития марксистской теории на основе обобщения опыта рабочего движения. Работа Ленина над программой русской социал-демократии являет собой яркий пример смелого, творческого развития марксизма. Именно благодаря Ленину партия большевиков уже при своем основании получила такое идейное богатство, каким не располагала ни одна пролетарская партия в мире. Поэтому она и могла вести такую успешную борьбу с врагами — с помещиками, буржуазией и ее агентурой в рабочем движении — правыми социалистами. Ленин высоко поднял значение революционной теории, социалистической сознательности и борьбы за партию, как организующую силу стихийного рабочего движения. Если кое-кто сегодня пытается умалить, опорочить и даже совсем отрицать значение революционной марксистской партии, ее руководящую роль, то в этих условиях с тем большей силой выступает значение борьбы Ленина за соединение массового рабочего движения с научным социализмом, за создание политической партии нового типа, способной возглавить рабочий класс и всех трудящихся в борьбе за власть, за упрочение диктатуры пролетариата.

Если поверить басням некоторых ревизионистов, Ленин нигде не говорил о партии нового типа. В ответ на это можно спросить: «А где Ленин не говорил о необходимости партии нового типа и ее руководящей роли?». Ведь все его произведения подчинены одному: обоснованию необходимости социалистической революции, установления диктатуры пролетариата и построения социализма. Осуществление этих задач немисливо без руководящей роли революционной рабочей партии. В. И. Ленин на X съезде РКП(б) отметил: «Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию»³⁹.

Ревизионисты пытаются доказать, что в этом и во многих других ленинских положениях о партии содержится якобы только идея о необходимости создания пролетарской партии, но ничего нет о партии «нового типа».

Но Ленин конкретно и прямо высказал положение, что в противоположность II Интернационалу надо работать над созданием партии нового типа, постоянно помнить об этом. В письме А. М. Коллонтай от 16 марта 1917 г. В. И. Ленин писал: «Мы создадим попрежнему *свою* особую партию... *Ни за что* снова по типу второго Интернационала!»⁴⁰. Если Ленин говорил, что «мы создадим попрежнему свою партию», то это означало, очевидно, что большевики должны были продолжать работу над укреплением партии, над разработкой ее принципов, над ее построением согласно новым конкретным условиям борьбы за социализм. При этом Ленин особенно подчеркивал, что мы, т. е. русские большевики, должны строить свою особую партию, а не партию старого социал-демократического типа. Чтобы еще раз подчеркнуть эту мысль, Ленин на другой день, т. е. 17 марта 1917 г., пишет той же А. М. Коллонтай:

³⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 176.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 238—239.

«Боюсь, что *болезнью* повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение, без систематической работы над партией *нового типа*, ни в коем случае не à la «II Интернационал»»⁴¹.

Отсюда видно, что именно в партии нового типа Ленин видит ключ к разрешению всех назревших задач рабочего движения.

Непримиримая борьба Ленина в начале XX в., в особенности на II съезде РСДРП и в период после него, против оппортунистов, в защиту идейных и организационных принципов большевизма имела огромное значение для российской социал-демократии и будущего международного революционного рабочего движения.

Чем дальше, тем яснее выявлялись две различные, прямо противоположные тенденции в развитии европейской социал-демократии: потеря революционных перспектив и проникновение ревизионизма в партии II Интернационала в Германии, Австрии, Франции и т. д.,— с одной стороны, и укрепление и развитие большевизма, вооруженного программой революционной борьбы, с другой. Результат этих процессов известен. Более одного миллиарда людей на земле строят ныне коммунизм.

⁴¹ В. И. Ленин. Соч., т. 35. стр. 241.